

Виновных он тащил из всех лазеек.
Он с них изрядный получал доход.
Иной ему заткнет подачкой рот,
Иной ему невинного укажет.
Не видывал я человека гаже.
Но все-таки о нем я расскажу -
За приставами я всегда слежу.
Они же тронуть пальцем нас не смеют,
Зане над нами власти не имеют.
Вмешался пристав: «А еще, мой друг,
Мы не имеем права трогать шлюх».
На то хозяин: «Ты черед свой знай!
Рассказывает он, ты не мешай.
Вы ж приставов, отец мой, не щадите
И на его гримасы не глядите».
И продолжал рассказ свой кармелит:
На воре шапка, вижу я, горит.
Так вот, у пристава того на службе
Все сводни были и ему по дружбе
Своих клиентов помогали стричь.
Как соколы заклеванную дичь
Охотнику несут за кров и пищу,
Они ему развратника отыщут,
Он обдерет его, а сам патрон
Не знает часто, как плутует он.
Тянул он в суд разинь и простаков,
Что рады были горстью медяков
Иль выпивкой в таверне откупиться.
За стерлинг он готов был удавиться
И, как Иуда, в кошелек особый
Ссыпал все золото, а скверной пробы
Истертые монеты, барахло
Домашнее его патрону шло
В уплату штрафов или десятины.
Так жил, в своих пороках триединый,
Равно презренный пристав, сводник, вор.
К знакомой шлюхе он ходил во двор,
А та шепнет ему, что, мол, сэр Хью
Забыл у ней свой посох и скуфью,
А что сэр Ральф запачкал, мол, сутану
(Всех пакостей перечислять не стану).
Тут пристав их схватить грозитя разом.
Размахивает папским он приказом,
Всегда все тем же, и волочит в суд,
Где их возьмут да вмиг и обстригут,
Когда ж руна лишались бараны,
Он речью льстивой заживлял их раны:
«Не бойтесь, друг, я вас из черных списков
Уж вычеркнул, и не найдет епископ
О том проступке никаких следов,
Поверьте, что служить я вам готов».